

В апреле нынешнего года в «Учительской газете» вышел наш материал «Неосуществленное пророчество», в котором шла речь о гибели великого русского поэта Марины Ивановны Цветаевой. Большинство читателей знают, что Марина Ивановна покончила с собой 31 августа 1941 года в Елабуге, попав в тяжелейшую ситуацию: начало войны, тяготы эвакуации, аресты близких, отсутствие работы, бытовые трудности, сложные отношения с сыном... Это общепринятое мнение.

Но существует версия ее недобровольного ухода, в которой роковая роль отводится органам НКВД.

Нашей задачей в том материале было собрать и систематизировать факты, подтверждающие, что у версии доведения до самоубийства или убийства по крайней мере такая же вероятность, как и у версии самоубийства, которая, повторим, считается аксиомой.

В конце статьи мы предположили, что доказательства насильственного ухода из жизни могли бы послужить досье на поэта из архива НКВД и результаты графологической экспертизы предсмертных писем Марины Ивановны Цветаевой.

Конечно, мы думали, что после нашей публикации будут отклики. Собирались продолжить

расследование дальше. Но то, что события развернутся столь стремительно и неожиданно, предположить было невозможно.

В конце сентября судьба свела нас с удивительным человеком - Светланой Михайловной Семеновой, психологом, президентом автономной некоммерческой организации «Русское графологическое общество», графологом с двадцатилетним стажем. Ее организация занимается графологическим анализом почерка и автографа, проводя исследования в области общей, детской, семейной, кадровой, медицинской, творческой графологии.

В начале осени Светлане Семеновой представился в своем роде уникальный случай поработать в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Она провела графологическую экспертизу предсмертных писем Марины Цветаевой. Подобная экспертиза проводилась впервые.

Светлана Михайловна до знакомства с письмами знала о жизни и творчестве Марины Цветаевой немного, «как все». Поэтому у нее не было заранее сформированных мнений и предрешений, она читала «чистого листа».

Тем более значимыми представляются нам ее заключения.

пример, письмо от 29 мая 1941 года, мы видим, что почерк похож, но сразу и не узнаешь. Другое эмоциональное состояние. Главное здесь - сила и глубина чувств. Можно предположить, что страх за жизнь сына. Она очень переживала за него. Да, они ссорились, но как близкий с близким, как мать с ребенком.

У Цветаевой никогда не было случайных слов, и раз у нее такое появилось - «попала в тупик» - значит так и случилось. От смысла слова менялась и графологическая структура.

Больше всего противоречий в письме к Асееву.

Вот смотрите сами. «Дорогой Николай Николаевич!» Слово «дорогой» графологически смято, здесь нет смысла «дорогой», как в обращении к близкому. Не дорогой! Наоборот, я вижу недоверие. Особенно первая буква «Д». Первая буква наиболее важна в графологии. А уж в обращении «дорогие сестры Синяковы» смысл еще более стерт.

носящимся. И он понимал ее гениальность.

- Известно, что в последние два года Марина Цветаева стихов почти не писала. Практически не стало «поводов» для вдохновения. Жизнь постепенно утрачивала смысл...

- Это чрезвычайно важно. Марина Ивановна понимала свое предназначение. Знала цену своему гению. Посмотрите хотя бы написание автографа «МЦ». Росчерк Марины Цветаевой обладает особой яркостью, жизнеутверждающей силой. Это автограф человека, преданного своим идеалам и ценностям. Он заявляет о величии и гениальности автора. Неведения того, что она творит, по графологическим признакам нет. Более того, читается: «Если я умру, что будет с моим творчеством?! Как же так? Не хочу умирать!»

В ходе первой беседы мы не раз спрашивали о третьей записке, о которой долго не заходила речь. Оказалось, на момент нашей сентябрьской встречи Светлана Семенова еще не нашла его в архиве и знала его, как и два первых письма, по книге Юлифи Матвеевны Каган «Марина Цветаева в Москве. Путь к гибели». В самом деле, все три текста опубликованы в различных изданиях, и мы давно знали их наизусть. Но нигде нет их в «подлинном виде» - в виде фотографий.

Потом Светлана Михайловна выяснила, что третьего письма Марины Ивановны в архиве нет. Поэтому вначале она его и не нашла. Искать надо было в

**В**сегда очень ответственно работать с подлинными письмами, когда их автор находится в сложнейшей жизненной ситуации. Я думала, имею ли право проводить подобного рода анализ? Насколько это этично? У меня ведь чисто профессиональный интерес.

Хотелось понять, почему человек гениальный, своеобразный, сильный решился на такой шаг? Что заставило?

Первое же мое впечатление было такое: нет, эти записки она писала не в момент принятия решения об уходе из жизни. Марина Цветаева только «примерла» смерть, понимая фатальность ситуации, в которую попала. Уверена в этом практически на 100 процентов. Это была «отсроченная» смерть.

- То есть?

- Дать на записках нет. Не случайно я не сразу и нашла их в архиве. А ведь Марина Цветаева всегда ставила даты в правом углу вверху. Я просмотрела разные ее письма, имела возможность понять особенности почерка Марины Ивановны. По графологическим признакам она человек особо одаренный, энциклопедически образованный. Своенравный, волевой, собранный. Ее почерк обладает удивительной гипнотической силой, особым ритмом, что даже не появляется сомнений в наличии здравого рассудка в момент написания предсмертных писем.

Цветаева не была сломлена, оставалась гордой - вопреки устоявшемуся представлению о последнем периоде ее жизни. Но в почерке проявляется чувство опасности, более того - ужаса! Задета, как говорят графологи, зона фатальности, страха. Ощущение, что выхода нет. К тому же она могла предчувствовать события заранее.

- А с чем было связано это ощущение ужаса? Как вы думаете?

- Конечно, не с бытом. Слишком она была умная, независимая и просто «надбывшая», чтобы был испугал. И не с отсутствием работы. Кстати, во всем известном заявлении о приеме на место судомойки в писательскую столовую в почерке появляются графологические признаки, говорящие о глубине переживаний. Марина Ивановна понимает всю тяжесть ситуа-

# «Отсроченная» смерть

Именно так видит уход Марины Цветаевой графолог Светлана Семенова

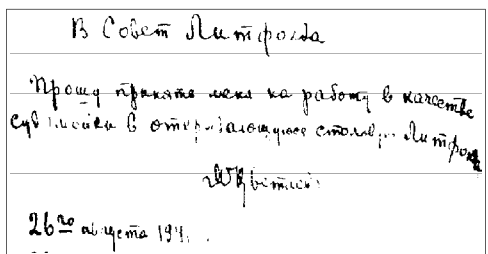
ци, но не позволяет чувствам выплеснуться. А в последних записках - уже выплеск.

- Фотокопия этого заявления хорошо известна. А последние записки мы читали в разных изданиях, но нигде нет от руки. Как они выглядят на самом деле?

- Два записки написаны карандашом. Очень крупный размашистый почерк, что говорит о раскатанных чувствах. Гнева и даже упреков в почерке нет.

Письма на почтовых карточках. Другие письма в архиве написаны чернилами, на обычной бумаге. Письмо Асееву - с двух сторон, поверх линованных строчек, что называется, «без разбору», в конверте. Повторю, дат нет. Нет на записке, обращенной к сыну, и характерной цветавеской подписи - МЦ, и карточка заполнена только наполовину. Остается ощущение, что письма не закончены.

Записки написаны как будто второпях, возможно, на коленках, на ходу, вероятно, в Чистополе - за несколько дней до смерти. Буквы в слове «Чистополь» прописаны с особой болью.



Записки Марины Цветаевой с Совет Дмитриевым о приеме на работу в качестве судомойки

Почерк выдает неудобную позу для писания. Неуравновешенность: как будто пишущий хочет унять эмоции. Думаю, записки написаны не в последние минуты, а раньше, во время сильных переживаний.

- В Чистополе у Марины Цветаевой случился страшное потрясение. По свидетельству Станислава Романовского, писателя, уроженца Елабуги, у нее была беседа с Николаем Асеевым и сотрудниками НКВД, и ей рассказали об участии мужа, Сергея Эфрона, в шпионской деятельности. Цель разговора - загнать в тупик. И, вероятно, шантажировали жизнью сына. Может быть, она купила открытки на набережной, хотела написать Асееву. На открытку все не вошло - пришлось купить и конверт...

- Два письма написаны заранее, совершенно точно.

В графологии существуют определенные признаки у людей, решившихся на добровольный уход из жизни. Есть признаки, характерные для психических больных, для страдающих маниакальной депрессией, для людей, у которых отсутствует инстинкт самосохранения. У Цветаевой ничего этого нет.

Если сравнить последние письма и, на-

описи писем Георгия Эфрона. И не за 31 августа. Ибо даты и на это письмо нет. Нет и подписи. Это копия письма, переписанная рукой Мура. Он, вероятно, плакал - некоторые буквы нечеткие, размытые. Предваряет текст самого письма приписка Георгия: «Копия подлинника письма, написанного рукой моей матери. Заверяет начальник Елабужского РОМ НКВД», подпись, печать. К копии письма прилагается записка, сделанная позже, по-видимому, рукой дочери, Ариадны Сергеевны Эфрон: «Копия письма, снятая Г.С.Эфроном с подлинного письма, изъятого полицией после смерти М. И. Цветаевой. Впоследствии подлинник письма обнаружен не был».

Из дневников Георгия Эфрона известно, что предсмертные записки он забрал в милиции, на следующий день после гибели матери. Ему вручили два оригинальных письма, а с письма к эвакуированным дали копию.

Возникают вопросы: где третья записка? Что было в ней на самом деле? И была ли она вообще?

Настораживает неопределенность адресата - «эвакуированным». Сомнительно и содержание записки. Она короткая и, по сути, повторяет две первые. Последние строчки: «Не похороните живой! Хорошенько проверьте» - не характерны для великого поэта, человека сильного, несломленного, обладающего волей к жизни и понимавшего силу своего гения. Хотя я столь трагические минуты можно быть непохожим на себя...

Результаты, полученные при анализе предсмертных писем, подкрепляют факты в пользу версии о давлении на Марину Цветаеву органов НКВД. Давления и шантажа, следствием которых могло быть только вынужденное самоубийство - вопреки желанию и необходимости жить.

Наталья САВЕЛЬЕВА,  
Юлия ПУСТАРНАКОВ



Марина ЦВЕТАЕВА с сыном Дмитрием. 1938 год

## Предсмертные письма Марины Цветаевой

**Письмо Муру:** «Мурьга! Прости меня. Но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это - уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але - если увидишь - что любила их до последней минуты и объясни, что попала в тупик».

**Письмо к Асееву:** «Дорогой Николай Николаевич! Дорогие сестры Синяковы! Умоляю вас взять Мура к себе в Чистополь - просто взять его в сыновья - и чтобы он учился. Я для него больше ничего не могу и только его гублю. У меня в сумке 450 р. и если постараться распродать все мои вещи. В судочке несколько рукописных книжек стихов и пачка с отписками прозы. Прочаю их Вам. Берегите моего дорогого Мура, он очень хрупкого здоровья. Любите как сына - заслуживает. А меня - простите. Не вынесла. МЦ. Не оставляйте его шикогда. Была бы безумно счастлива, если бы жил у вас. Уедете - увезите с собой. Не бросайте!»

**Письмо к эвакуированным:** «Дорогие товарищи! Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто сможет, ответить его в Чистополь к Н. Н. Асееву. Пароходы - страшные, умоляю не отправлять его одного. Помогите ему с багажом - сложить и донести. В Чистополе надеюсь на распродажу моих вещей. Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мной он пропадет. Адр. Асеева на конверте. Не похороните живой! Хорошенько проверьте».